

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 1 (86). С. 68–78.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2025; 1 (86): 68–78.

Научная статья
УДК 94(47).084.6
DOI 10.37724/RSU.2025.86.1.007

Инструменты и механизмы государственной политики в отношении китайских мигрантов на территории Восточного Забайкалья в 1920–1930-х годах

Василина Александровна Сазонова
Забайкальский государственный университет, Чита, Россия
vasilinass@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию процесса реализации государственной национальной политики на территории Восточного Забайкалья в 1920–1930-х годах. После Октябрьской революции в стране начались коренные преобразования во всех сферах государственного устройства. Национальный вопрос являлся очень важным направлением государственной политики молодого советского государства. На приграничных территориях, к которым относилось Забайкалье в 1920–1930-х годах, находилось значительное количество китайских мигрантов, которые в силу разных причин прибывали на советскую территорию в поисках работы. Важным принципом советской национальной политики являлось достижение политического, экономического и социального равенства между представителями различных наций, в том числе национальных меньшинств, к которым относились и китайские мигранты. Советская власть создавала новые инструменты и механизмы, принципы и подходы к решению национального вопроса. Учреждались новые органы и структуры, обеспечивающие реализацию национальной политики, появлялась новая нормативно-правовая база. Национальная политика в отношении китайских мигрантов проявлялась в создании условий для организации процесса образования, воспитания, адаптации китайцев, а также их интеграции в процесс социалистического строительства, партийную деятельность и общественную жизнь советского государства. Данная деятельность имела определенные достижения и результаты, но имели место и недостатки, препятствующие достижению поставленных целей.

Ключевые слова: Восточное Забайкалье, национальная политика, восточные рабочие, китайцы, уполномоченные, национальные меньшинства.

Для цитирования: Сазонова В. А. Инструменты и механизмы государственной политики в отношении китайских мигрантов на территории Восточного Забайкалья в 1920–1930-х годах // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 1 (86). С. 68–78. DOI: 10.37724/RSU.2025.86.1.007.

Original article

Instruments and mechanisms of state policy towards Chinese migrants in Eastern Transbaikalia in the 1920s–1930s

Vasilina Aleksandrovna Sazonova
Transbaikal State University, Chita, Russia
vasilinass@mail.ru

Abstract. The article studies implementation of the state national policy in the territory of Eastern Transbaikalia in 1920s–1930s. After the October Revolution, the country began radical transformations in all spheres of the state structure. Ethnic issues were a very important area of the young Soviet state's policy. In the border territories, including Transbaikalia in the 1920s–1930s, there lived a great number of Chinese migrants

who, for various reasons, had come to the Soviet territory in search of employment. The Soviet national policy was based on the important principle of achieving political, economic and social equality between representatives of different nations, including national minorities, including Chinese migrants. The Soviet authorities created new tools and mechanisms, principles and approaches to solving the national issue. New bodies and structures were established to ensure the implementation of the ethnic policy, and a new legal and regulatory framework appeared. The policy towards Chinese migrants was manifested in the creation of conditions for organizing education, upbringing, and adaptation of the Chinese, as well as their integration into the process of socialist construction, political party activities and social life of the Soviet state. This activity had certain achievements and results, but there were also shortcomings that hindered the achievement of the goals.

Keywords: Eastern Transbaikalia, national policy, eastern workers, Chinese, commissioners, national minorities.

For citation: Sazonova V. A. Instruments and mechanisms of state policy towards Chinese migrants in Eastern Transbaikalia in the 1920s–1930s. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2025; 1 (86):68–78. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2025.86.1.007.

Введение

Отношения между Россией и Китаем имеют многолетнюю историю. Важным элементом межгосударственного сотрудничества являлось взаимодействие между русским и китайским населением на приграничных территориях. Особую роль в этом сотрудничестве в 1920–1930-х годах играли китайские мигранты, проживающие на востоке Советского Союза и оказывающие значительное влияние на социально-политические и экономические процессы в регионе. Вопросы реализации советской национальной политики в отношении китайских мигрантов находили свое отражение в трудах таких историков, как А. Г. Ларин, В. Г. Дацышен, О. В. Залесская, Г. А. Ткачева, А. С. Ващук, Ю. Н. Ланцова и др. Работы посвящены всестороннему исследованию условий жизни китайских мигрантов, количественного и качественного состава, их роли в экономике региона, а также некоторых проблем, связанных с китайским присутствием. Целью данной работы является исследование вопроса реализации государственной национальной политики в отношении китайских мигрантов на территории Восточного Забайкалья, анализ деятельности государственных структур по вовлечению китайских мигрантов в процесс образования, культурного развития, партийную и общественную деятельность.

В процессе исследования автор руководствовался принципом объективности, который позволил восстановить некоторые события и факты, связанные с государственным регулированием китайской миграции с опорой только на достоверные данные. Применение принципа историзма позволило провести изучение проблемы с учетом хронологических рамок и в совокупности с другими явлениями и факторами, оказывающими влияние на предмет исследования.

Основная часть

Появление термина «Забайкалье» тесно связано с образованием в 1851 году Забайкальской области [Кулаков, Константинов, Руденко, Юргенсон, 2004, с. 358]. В 1920–1930-х годах в отношении Забайкалья неоднократно производились административно-территориальные преобразования. Так, в 1920 году территория Забайкальской области была разделена на Прибайкальскую (Западное Забайкалье) и Забайкальскую (Восточное Забайкалье) [Очерки истории Восточного Забайкалья, 2007, с. 32]. Позднее, в 1922 году Забайкальская область была преобразована в Забайкальскую губернию в составе шести уездов и стала частью Дальневосточной области. Город Чита являлся административным центром Восточного Забайкалья. В 1926 году вновь происходит территориальное переустройство: ликвидируются области, губернии и уезды, решением ВЦИК образуется Дальневосточный край, который был разделен на округа, а они в свою очередь на районы. На территории Восточного Забайкалья были созданы Сретенский и Читинский округа с центрами в городах Чита и Сретенск соответственно, которые вошли в состав Дальневосточного края со столицей в городе Хабаровске. В 1930 году округа были ликвидированы, и территория Восточного Забайкалья стала частью Восточно-Сибирского края. И, наконец, в 1937 году, согласно постановлению ЦИК СССР, произошло разделение Восточно-

Сибирского края на Иркутскую и Читинскую области [Там же, с. 34], что практически завершило процесс административно-территориального переустройства как в целом Забайкалья, так и восточной его части.

В период советизации Дальнего Востока на территории региона происходит значительный рост количества китайских мигрантов [Алепко, Бондарь, 2018, с. 213]. В 1923 году в Забайкальской губернии проживало 2996 китайских мигрантов [Дацышен, 2022, с. 60]. Согласно официальным данным, содержащимся в статистических справочниках, в Дальневосточном крае в 1926 году проживало 68190 китайцев, причем из них 63740 мужчин и 4450 женщин [Всесоюзная перепись населения 1926 года, 1929, с. 65–79], а 71 643 человека из опрошенных назвали китайский язык своим родным [Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 года: краткие сводки, 1928, с. 97]. В Сретенском округе было зафиксировано 2275 китайцев (2261 мужчина и 14 женщин), в Читинском округе — 3890 человек (3780 мужчин и 110 женщин) [Всесоюзная перепись населения 1926 года, 1929, с. 65–79]. Примечательно, что архивные материалы содержат несколько иные показатели численности китайских мигрантов. Так, в отчете о работе среди национальных меньшинств отмечалось, что по состоянию на 1926 год в Сретенском округе Дальневосточного края проживал 2491 китаец. [ГАЗК. Ф. Р 1784. Оп. 1. Д. 44. Л. 75]. А на январь 1928 года количество китайцев, проживавших в округе и прошедших перерегистрацию, составляло 1 885 человек. Приведенные показатели не содержат данных об иностранцах, проживавших в округе, но не прошедших перерегистрацию, которых насчитывалось до 2000 человек [Там же, л. 102].

Октябрьская революция и начало строительства первого в мире советского государства привели к значительным политическим и социально-экономическим изменениям. Решению национального вопроса уделялось особое внимание. В стране была развернута работа по реализации государственной национальной политики, предусматривающей экономическое, политическое, правовое равенство представителей всех национальностей, в том числе и национальных меньшинств, к которым относились китайские мигранты. С целью претворения в жизнь основных принципов и идей национальной политики в Советском Союзе создавались специальные органы руководства и организации национального строительства. В соответствии с Декретом II Всероссийского съезда Советов им стал Народный комиссариат по делам национальностей. Наркомат осуществлял свою деятельность во взаимодействии с другими ведомствами, а основное руководство национальной политикой возлагалось на Съезды Советов, ВЦИК и Совнарком [Коржихина, 1994, с. 101]. В составе Наркомата создавались национальные отделы, также была налажена работа местных органов. После образования Советского Союза Наркомат ликвидировали, а в качестве органов, занимавшихся национальными вопросами, стали действовать Совет национальностей ЦИК СССР, отдел национальностей ВЦИК, представительства при ВЦИК и некоторые др. [Там же, с. 104].

Декретом ВЦИК и СНК от 9 апреля 1924 года проведение в жизнь национальной советской политики на местах было возложено на президиумы центральных исполнительных комитетов автономных республик и на президиумы исполнительных комитетов областей и губерний, из состава которых выделялись уполномоченные для проведения соответствующей работы среди национальных меньшинств. Кроме того, предусматривалась необходимость создания при отделах народного образования специальных секций по делам просвещения национальных меньшинств [Собрание Узаконений..., 1924, с. 488].

В 1927 году на базе института уполномоченных по корейским делам в Дальневосточном крае был образован институт уполномоченных по делам национальных меньшинств (уполнацмен). [Ващук, Чернолуцкая, Королева [и др.], 2002, с. 87]. С октября 1927 года на территории Дальневосточного края действовало Временное положение об уполномоченных по делам национальных меньшинств, в круг задач которых входила защита прав и интересов национальных меньшинств, обследование их экономического положения, оценка и разработка планов по хозяйственному и культурному строительству, содействие учреждениям просвещения в организации культурно-просветительской работы среди национальных меньшинств, участие в разработке местных бюджетов, дача заключений и рекомендаций по разработке нормативных актов.

С целью регламентации и детализации работы уполномоченного по делам национальных меньшинств составлялся план на определенный период времени. Так, план уполномоченного по Сретенскому округу на 1927–1928 годы включал проведение учета национальных меньшинств в округе с определением количества грамотных и неграмотных, изучение экономического, куль-

турно-социального, административно-правового положения национальных меньшинств, установление степени их обслуживания юридической помощью, изыскание возможности обучения и отправки в вузы, проработка вопроса о льготной выдаче видов на жительство и пр. Прделанная работа отражалась в соответствующем отчете, который уполномоченный представлял для заслушивания на заседание президиума окружного исполнительного комитета [ГАЗК. Ф. Р 1784. Оп. 1. Д. 44. Л. 186–188].

Уполномоченные по делам национальных меньшинств нередко в своей работе сталкивались с определенными трудностями, связанными с отсутствием необходимого опыта, финансовых средств, дефицитом квалифицированных кадров. В отчете о проделанной работе уполномоченный по Сретенскому округу Захаров отмечал: «До организации института уполномоченных по делам национальных меньшинств по Дальневосточному краю, в Сретенском округе ни по каким линиям и никакой специфической работы среди национальных меньшинств совершенно не велось. Тем не менее, выполняя решение Президиума исполнительного комитета Дальневосточного краевого Совета уполномоченный по Сретенскому округу был выдвинут и, вполне естественно, первое время своей работы, не имея абсолютно никаких материалов, “витал в облаках”. Лишь только с получением временного положения и схемы отчета, появилась возможность хотя бы в общих чертах сделать предварительную наметку последующей работы» [ГАЗК. Ф. Р 1784. Оп. 1. Д. 44. Л. 82].

С 1927 года на территории Дальневосточного края вводятся должности инструкторов для работы среди китайских мигрантов [Ващук, Чернолуцкая, Королева [и др.], 2002, с. 87], причем подобрать кадры на эту должность было достаточно сложно, так как требовался политически подготовленный и идеологически выдержанный работник со знанием китайского языка.

В целях повышения эффективности работы среди национальных меньшинств 23 декабря 1927 года утверждено положение о Сопещании по делам национальных меньшинств, решения которого проводились в жизнь уполномоченными. Для детальной проработки и изучения вопросов, подлежащих обсуждению Сопещания, при последнем существовали организационно-административно-правовая, земельная, культурно-социальная, кооперативно-экономическая комиссии [ГАЗК. Ф. Р 1784. Оп. 1. Д. 44. Л. 105].

Основными формами реализации национальной политики на местах стали вовлечение китайских мигрантов в партийную работу и учебу, профсоюзное движение, комсомол и другие общественные организации, проведение среди них просветительской и культмассовой работы.

Одной из важнейших задач советского государства в период после Октябрьской революции становится борьба с неграмотностью, в том числе и среди национальных меньшинств. В связи с тем, что китайские мигранты являлись крупным национальным объединением, в том числе и в Забайкалье, государство уделяло им особое внимание. Для представителей восточных национальных меньшинств 90 % неграмотности являлось обычным делом, отмечалась также их культурная отсталость [Докладная записка ... , 2005, с. 635].

Особенностью культурно-просветительской деятельности в среде китайских мигрантов являлось то, что данная работа была направлена не только на повышение уровня грамотности и общекультурного уровня, но и на политическое воспитание в духе коммунистической идеологии.

В рамках проводимой культурно-просветительской работы среди китайских мигрантов важным направлением была организация китайских клубов. Так, в Чите с 1921 года осуществлял свою деятельность клуб восточных рабочих имени Зиновьева. Основной задачей клуба было объединение китайских и корейских рабочих города Читы, а также создание центра для проведения среди них образовательной, воспитательной работы и организации культурного досуга. Стоит отметить, что деятельность клуба была также направлена на сплочение русских и восточных рабочих, на вовлечение в культурную жизнь жен и детей восточных рабочих. При клубах открывались пункты по ликвидации неграмотности, школы для малограмотных, работали различные кружки, библиотека, учреждались справочные бюро для восточных рабочих, регулярно проводились собрания, организовывались экскурсии [ГАЗК. Ф. П 2. Оп. 1. Д. 235. Л. 63].

В июне 1926 года СНК РСФСР принял постановление «О просветительской работе среди национальных меньшинств». В постановлении отмечалось, что, несмотря на ряд достижений в области просвещения национальных меньшинств, результаты работы далеки от поставленных целей. Некоторые национальные меньшинства, в частности народы Востока, продолжают отставать в экономическом и культурном плане, наблюдается дефицит кадров необходимых работ-

ников. Среди основных задач в деле просвещения отмечалась необходимость расширения и улучшения школ 1-й ступени, педагогических учебных заведений, профтехшкол с учетом потребностей районов, усиление состава учреждений образования представителями национальных меньшинств, указывалось на необходимость направления лиц, завершивших обучение в совпартшколах, на работу по обслуживанию населения соответствующих национальных меньшинств, а также необходимость перехода просветительской и культурной деятельности на национальные языки [Собрание Узаконений..., 1926, с. 427–429].

К 1927/1928 учебному году в Дальневосточном крае уже насчитывалось 4 государственных китайских школы 1-й ступени с общим количеством учеников 127. На заседании Читинской партийной ячейки 21 июня 1928 года также ставился перед Горсоветом вопрос об учреждении школы для детей китайских рабочих [ГАЗК. Ф. П 2. Оп. 1. Д. 235. Л. 43].

Большое значение в работе с национальными меньшинствами играла в России система высшего партийного образования. В Москве осуществлял свою деятельность Коммунистический университет трудящихся Китая имени Сунь Ятсена, в котором готовили кадры для работы в советских партийных и государственных органах в Дальневосточном регионе, а также на территории Китая.

В 1933 году на территории Дальневосточного края функционировали Китайское отделение Дальневосточного коммунистического университета в Хабаровске, Китайское отделение совпартшколы в Чите, Китайский педагогический техникум, отделение рабфака, отделение пединститута и Дальневосточная краевая китайская совпартшкола во Владивостоке. [Панин, Зозуля, 2015, с. 160–161].

Дальневосточный отдел народного образования рекомендовал в области профессионального образования обратить особое внимание на распределение мест в вузах и рабфаках, добиваясь бронирования определенного количества мест для национальных меньшинств в соответствующих учебных заведениях [ГАЗК. Ф. Р 1448. Оп. 1. Д. 10. Л. 19]. Так, в июне 1930 года было объявлено о наборе курсантов из состава национальных меньшинств для обучения на подготовительном отделении и первом курсе Дальневосточной китайской совпартшколы. Для Владивостокского округа было выделено 20/22 человека соответственно, для Хабаровского — 4/6 мест, Читинского — 3/3, Амурского округа — 3/3, Сретенского округа — 8/8, Зейского округа — 8/8 [ГАЗК. Ф. П. 75. Оп. 1. Д. 1023. Л. 38].

В Чите также работала совпартшкола, в которой в 1931 году было открыто Китайское отделение. Учебу проходили в основном китайцы с золотодобывающих приисков Забайкалья. На начальном этапе в школе обучалось 75 китайцев, а в 1933 году уже 65 человек. Для сохранения контингента было принято решение о повышении заработной платы преподавателям и увеличении стипендии обучающимся [Дацьшен, 2022, с. 67].

Важным вопросом в области просвещения национальных меньшинств оставался вопрос подготовки и переподготовки педагогических кадров. Дефицит кадров наблюдался в области школьной, дошкольной и социально-правовой работы [ГАЗК. Ф. Р 1448. Оп. 1. Д. 10. Л. 34].

Стоит отметить, что борьба с неграмотностью была тесно связана с движением за латинизацию письменности народов СССР [Дацьшен, 2008, с. 163]. Весной 1931 года комиссией по латинизации китайской письменности при Институте востоковедения Академии Наук и НИИ по Китаю при Комакадемии был рассмотрен проект нового китайского алфавита. В сентябре во Владивостоке состоялась конференция по латинизации китайской письменности [Комиссия по латинизации ... , 1952, с. 36], на которую были приглашены китайские представители учебных заведений, учреждений, партийных, общественных организаций и предприятий из различных городов Дальневосточного края. В конференции приняли участие и делегаты из Читы — китайцы: работник клуба и рабочий-ударник [ГАЗК. Ф. Р 590. Оп. 1. Д. 2. Л. 89]. На конференции отмечалось, что «на основе латинизации китайской письменности возможно развитие национальной по форме и социалистической по содержанию культуры трудящихся китайцев» [ГАРБ Ф. Р 475. Оп. 1. Д. 878. Л. 55]. По результатам проведенной конференции было принято решение приступить к практическому проведению латинизации и внедрению ее через школы, газеты и пр.

Совещание работников по делам национальных меньшинств при Читинском городском профсовете постановило: «Незамедлительно развернуть работу по латинизации китайской письменности среди китайских трудящихся». При Клубе организовать ячейку содействия лати-

низации, обсудить и выдвинуть кандидатуры товарищей для командирования на курсы латинизаторов» [ГАЗК. Ф. Р 590. Оп. 1. Д. 2. Л. 73]. Так, с 20 октября 1933 года в Чите начали свою работу двухмесячные курсы по новому китайскому алфавиту и подготовке латинизаторов китайской письменности. Время на изучение различных вопросов распределялось следующим образом: общественно-политические темы и проблемы Китайской революции — по 60 ч, Новый Алфавит — 100 ч, общеобразовательный цикл — 70 ч и организационно-методический — 30 ч. Курсанты обеспечивались питанием, общежитием, выплачивалась стипендия в размере 150 руб. [ГАЗК. Ф. Р 590. Оп. 1. Д. 15. Л. 42].

В целом активность со стороны партийных и общественных организаций по внедрению нового алфавита была невысокой. Представители предприятий и государственных учреждений ограничивались выделением необходимых для проведения занятий помещений, при этом не обеспечивая со своей стороны контроля за содержанием проводимой работы и посещаемостью занятий, которая традиционно оставалась низкой. Во второй половине 1930-х годов работа по латинизации китайской письменности была свернута.

Советскими партийными органами велась работа среди национальных меньшинств, в том числе среди восточных мигрантов, с целью вовлечения в ряды ВКП(б). Для этого на предприятия направлялись партторги, в задачи которых входило проведение агитационной работы среди восточных рабочих, формирование околопартийного актива, лучших представителей которого вовлекали в партию [ГАЗК. Ф. П 2. Оп. 1. Д. 235. Л. 83].

На территории Читы действовала китайская ячейка ВКП(б). Состав ячейки был немногочисленным. На 1 июня 1926 года в китайскую ячейку входило 14 человек, из них 5 членов партии и 9 кандидатов; в корейскую ячейку входил 21 человек, при этом 17 являлись членами партии и 4 кандидатами [ГАЗК. Ф. П 2. Оп. 1. Д. 117. Л. 20–21]. Несмотря на проводимую в отношении восточных мигрантов работу, членство в партии не носило массовый характер. Данный факт подтверждается архивными документами Сретенского окружного комитета ВКП(б). Так, по Сретенскому округу за 3 квартал 1928 года было принято в партию 167 человек, из которых 4 китайца [ГАЗК. Ф. П 71. Оп. 1. Д. 371. Л. 29–29 об.], за 4 квартал 1928 года принято в партию 136 человек, из них 8 китайцев [Там же, л. 45]. Согласно отчету на 1 января 1929 года, состав Сретенской окружной организации выглядел следующим образом: всего коммунистов (членов партии и кандидатов) — 2641, из них русских — 2493, китайцев — 31, в том числе русских женщин — 237 и 1 китаянка [Там же, л. 43–44].

Деятельность китайской ячейки находилась под постоянным контролем со стороны партийных и правоохранительных органов. Представляет особый интерес характеристика китайской ячейки, подготовленная Читинской Окружной контрольной комиссией ВКП(б): «Ячейка не представляет собой твердого и спаянного коллектива, основанного на взаимном доверии для общей ячейковой работы. Наблюдаются нарушения партийной дисциплины отдельными коммунистами (игра в лото, невыдержанность, опекуренное)» [ГАЗК. Ф. П 74. Оп. 4. Д. 30. Л. 7]. Комиссия проводила проверку в отношении 14 китайцев. По ее итогам за невыдержанность, связь с чуждым элементом и содержание притона кандидат ВКП(б) тов. Лю-Го-Шин был исключен из партии. Тов. Чикайчину — члену партии — за недостаточную отзывчивость и пассивное отношение к партработе вынесен выговор [Там же, л. 11, 11 об.].

Национальная политика советского государства предусматривала работу партийных и общественных организаций по вовлечению представителей национальных меньшинств в профессиональные союзы [Ларин, 2009, с. 118]. Показатели работы в этом направлении в отношении восточных мигрантов были более значительными по сравнению с членством восточных рабочих в партии. Однако не всегда работа профсоюзных организаций среди китайских рабочих являлась удовлетворительной. Так, материалы Сретенского окружного комитета ВКП(б) свидетельствуют об охвате профсоюзным членством китайских рабочих, проживающих в Дальневосточном крае в размере 45 %, что являлось недостаточным [ГАЗК. Ф. П 71. Оп. 1. Д. 564. Л. 119]. В материалах о работе среди восточных рабочих в Читинском округе (июль 1929 г.) отмечалось: «Всего занято на работах округа — 1558 чел. (1481 чел. — китайцы, 77 чел. — корейцы), из общего количества — 956 чел. (61%) являются членами профсоюза» [ГАЗК. Ф. П 75. Оп. 1. Д. 796. Л. 1].

Китайские рабочие являлись членами различных профессиональных союзов. Наиболее многочисленным являлся Союз горнорабочих, в который на апрель 1929 года входило 462 ки-

тайца и 22 корейца. Союз сельскохозяйственных рабочих включал 128, а союз строителей — 104 китайских рабочих. Меньше всего в своем составе восточных рабочих имели профессиональные союзы печатников, швейников, деревообделочников, колхозников [Там же, л. 4].

Наиболее важными задачами профессиональных объединений среди восточных мигрантов являлись улучшение жилищно-бытовых условий, социального обслуживания, обеспечение трудовых прав и иной правовой защиты. Представители профсоюзных органов использовали в своей работе разные методы, в том числе с целью формирования профактива посещали места жительства и работы восточных рабочих, проводили встречи, разъяснительную работу в клубах, устанавливая тесную связь и всячески привлекая восточных рабочих к союзной работе. Так, для работы среди китайских рабочих в Ципикан и на Черновские копи были направлены специалисты, один из которых завершил обучение в университете имени Сунь-Ятсена [Забайкальский рабочий, 1929, с. 2].

Важным направлением работы профессиональных союзов являлись организация и проведение курсов для восточных рабочих. Занятия позволяли разъяснять восточным рабочим цели и задачи профсоюзного движения и общественных организаций, суть социалистического строительства, вовлекать их в общественно-политическую жизнь, а также готовить кадры для низового профсоюзного актива [ГАЗК. Ф. П 71. Оп. 1. Д. 564. Л. 143].

Советская власть поддерживала деятельность по объединению восточных рабочих в общественные организации, такие как ВЛКСМ, МОПР, Осоавиахим и пр. Стоит отметить, что показатели членства в данных общественных организациях были невысокими.

Наиболее крупным общественным объединением являлся Союз китайских рабочих, образованный в Петрограде в 1918 году. Он объединял около 60 тыс. человек [Ланцова, 2016, с. 93]. Региональным отделением российского СКР являлся Союз китайских рабочих в Сибири (СКРС), созданный в конце 1919 года и просуществовавший до середины 1920-х годов [Дацышен, 2019, с. 96]. Основной целью этой организации являлось объединение, защита законных прав и интересов китайских рабочих, проживающих на территории советского государства.

Определенным достижением в работе среди китайских рабочих являлось издательство и распространение периодического издания на китайском языке — газеты «Рабочий путь». Первые номера этой газеты были напечатаны в 1922 году в Чите, позже газета стала издаваться во Владивостоке. В этот период газета была единственным изданием на китайском языке, причем частично распространялась бесплатно в местах компактного проживания китайцев, в том числе и на золотодобывающих приисках. Содержание газеты было направлено на освещение важнейших политических событий, вопросов партийного, профсоюзного строительства, приобщение китайских рабочих к культурной жизни. Стоит отметить, что особой популярностью данная газета в китайской среде не пользовалась, что объяснялось, в частности, неграмотностью, низкими культурным уровнем китайского населения и отсутствием интереса к местным новостям социально-политического и экономического характера.

На местах нередко отмечался недостаточный уровень культурно-просветительской, партийной, профсоюзной работы. В постановлении объединенного заседания Президиума краевой контрольной комиссии ВКП(б) и коллегии Восточно-Сибирской краевой рабоче-крестьянской инспекции от 11 декабря 1931 года об итогах проверки выполнения постановлений о работе среди восточников отмечалось: «Материалы обследования Шахтоминского и Козловского приисков свидетельствуют о том, что Директивы Крайкома ВКП(б) о работе среди восточных рабочих Райкомами ВКП(б), приисковыми партийными, профсоюзными организациями не выполняются. Интернациональное воспитание среди русских и китайских рабочих и партийная работа поставлены неудовлетворительно. Ликвидация малограмотности и неграмотности среди восточников не развернута» [ГАИО. Ф. Р 610. Оп. 1. Д. 85. Л. 4].

Важным элементом китайского присутствия являлись взаимоотношения между русскими и китайскими рабочими, которые часто носили недружественный характер. Пренебрежительное отношение, экономическая и трудовая дискриминация в отношении китайских рабочих приводили к росту социальной напряженности и конфликтам на межнациональной почве. В газетной статье отмечалось: «Можно привести множество фактов, показывающих, что великодержавный шовинизм на Дальнем Востоке значительно активизировался. Например, в последнее время имели место факты издевательства над китайскими горняками, работающими на золотодобывающих приисках. Однако профсоюз горняков и хозорганы не привлекли за это к судебной ответственности ни одного человека» [Забайкальский рабочий, 1930, с. 2].

Отчет о работе среди восточных рабочих Читинского окружного комитета ВКП(б) от 1 июля 1929 года содержит следующие сведения: «В Читинской строительной организации работал китаец, в отношении которого администрация допускала переработку, не давала выходных дней и спецодежды. Требование рабочего было признано неосновательным и только через отдел Труда удалось удовлетворить иск в пользу рабочего (400 руб.). Также наблюдается различие между восточными рабочими и русскими, в отношении оплаты за сверхурочные часы: за одну и ту же работу, за одинаковое количество отработанных часов, русскому выплачено 12 руб. 50 коп, а восточные рабочие получили 4 руб. 80 коп. Жилищные условия также хуже, чем у русских» [ГАЗК. Ф. П 75. Оп. 1. Д. 796. Л. 1]. Вышеперечисленные факты характеризуют отношение к китайским рабочим, имевшее место в ряде случаев со стороны административных и профсоюзных органов. Данные обстоятельства вызывали обоснованное недовольство восточников, способствовали их социальному обособлению, отчуждению и росту напряженности между русскими и китайскими рабочими.

Заключение

Таким образом, национальный вопрос в 1920–1930-х годах являлся одним из важнейших в государственной политике. Советская власть уделяла ему особое внимание, создавала специальные механизмы, бюрократическую структуру, готовила нормативно-правовую базу, осуществляла контроль и, соответственно, требовала от административных органов, партийных и общественных организаций ведения планомерной, четкой и результативной работы среди национальных меньшинств. Процесс реализации государственной национальной политики приводил к определенным положительным результатам, которые выражались в повышении культурного и образовательного уровня восточных рабочих, адаптации их в новых условиях, взаимодействию и сближению с русским населением.

Несмотря на это, проводимая работа имела ряд существенных недостатков, которые препятствовали достижению поставленных целей. Нередко культурно-просветительская, профсоюзная работа среди китайских рабочих не проводилась на должном уровне. Довольно остро стоял и кадровый вопрос. Отсутствие подготовленных специалистов, незнание языка, дефицит финансовых средств снижали эффективность работы среди национальных меньшинств.

Значимым фактором в работе среди восточных рабочих являлись их низкий культурный уровень, неграмотность, непонимание политических процессов, происходящих в стране, а также ориентация на временное пребывание на советской территории. Кроме того, национальные особенности характера, приверженность традиционным религиозным взглядам, тяжелое экономическое положение склоняли китайских рабочих к дистанцированию от русского населения. Данные обстоятельства препятствовали эффективной работе по идеологическому и политическому воспитанию, объединению восточных рабочих, вовлечению их в партийные и общественные организации и социокультурной интеграции с коренным населением.

Список источников

1. Алепко А. В., Бондарь Г. А. К вопросу о клубах, театрах и печати китайской диаспоры советского Дальнего Востока 1923–1930 гг. // История и Китай: история и перспективы сотрудничества : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. — Благовещенск : Благовещен. гос. пед. ун-т, 2018. — С. 219–223.
2. Алепко А. В. Формирование и развитие системы высшего партийного образования китайских коммунистов в Дальневосточном регионе СССР 1923–1936 гг. // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : материалы VIII Междунар. науч. практ. конф. (Благовещенск, 21–28 мая 2018 г.). — Благовещенск : Благовещен. гос. пед. ун-т, 2018. — С. 211–218.
3. Ващук А. С., Чернолуцкая Е. Н., Королева В. А., Дудченко Г. Б., Герасимова Л. А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX в. — Владивосток : Дальневосточ. отд-ние РАН, 2002. — 228 с.
4. Великодержавный шовинизм — главная опасность в национальном вопросе // Забайкальский рабочий. — 1930, 8 авг. — № 180. — С. 2.
5. Восточными рабочими мы не занимаемся // Забайкальский рабочий. — 1929, 7 июля. — № 151. — С. 2.
6. Всесоюзная перепись населения 1926 года. — М. : Центр статистического управления СССР, 1929. — Т. 9. — 228 с.

7. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. : краткие сводки. — М. : Центр статист. управления СССР, 1928. — Вып. 4. — 138 с.
8. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). — Ф. П 2. — Оп. 1. — Д. 117 ; Ф. П 2. — Оп. 1. — Д. 235 ; Ф. П 2. — Оп. 1. — Д. 321 ; Ф. П 71 — Оп. 1. — Д. 371 ; Ф. П 71. — Оп. 1. — Д. 564 ; Ф. П 74. — Оп. 4. — Д. 30 ; Ф. П 75. — Оп. 1. — Д. 796 ; Ф. П 75. — Оп. 1. — Д. 1023 ; Ф. П 75. — Оп. 2. — Д. 51 ; Ф. Р 590. — Оп. 1. — Д. 2 ; Ф. Р 590. — Оп. 1. — Д. 15 ; Ф. Р 1448. — Оп. 1. — Д. 10 ; Ф. Р 1784. — Оп. 1. — Д. 44.
9. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). — Ф. Р 600. — Оп. 1. — Д. 377 ; Ф. Р 610. — Оп. 1. — Д. 85.
10. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). — Ф. Р 475. — Оп. 1. — Д. 878.
11. Залеская О. В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1858–1938) : дис. ... д-ра ист. наук. — Благовещенск, 2009. — 542 с.
12. Дацышен В. Г. Союз китайских рабочих в Сибири // Россия и АТР. — 2019. — № 3. — С. 95–109.
13. Дацышен В. Г. Движение за латинизацию китайской письменности и развитие китайской школы на советском Дальнем Востоке // Россия и АТР. — 2008. — № 3. — С. 160–169.
14. Дацышен В. Г. Китайское население Забайкалья в условиях сталинской системы в 1930-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «История России». — 2022. — Т. 21, № 1. — С. 57–71.
15. Докладная записка секретаря Президиума Совета национальностей ЦИК СССР А. И. Таджиева в ЦК ВКП(б) о создании аппарата по работе с национальностями при Президиуме ЦИК. 9 февраля 1930 г. // ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1 : 1918–1933 гг. — М. : РОССПЭН. — 2005. — С. 634–635.
16. Комиссия по латинизации китайской письменности. К вопросу о латинизации китайской письменности // Записки Института востоковедения Академии наук СССР. I / ред. изд. акад. С. Ф. Ольденбург. — Л. : АН СССР, 1952. — С. 35–54.
17. Коржихина Т. П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. — декабрь 1991 г. : учеб. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : РГГУ, 1994. — 418 с.
18. Кулаков В. С., Константинов М. В., Руденко Ю. Т., Юргенсон Г. А. Забайкалье // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область : в 4 т. / глав. ред. Р. Ф. Гениатулин. — Новосибирск : Наука, 2004. — Т. 2 : А–З. — С. 358–359.
19. Ланцова Ю. Н. Положение восточных рабочих в Забайкалье в 1920 — начале 1930-х гг. // Регион в приграничном пространстве : Междунар. науч. конф., посвящ 165-летию образования Забайкальской области, 165-летию Забайкальского казачьего войска и 95-летию установления дипломатических отношений между Россией и Монголией. — Чита : Забайкал. гос. ун-т, 2016. — С. 92–95.
20. Ларин А. Г. Китайские мигранты в России. История и современность. — М. : Восточная книга, 2009. — 512 с.
21. Очерки истории Восточного Забайкалья. Читинская область / под ред. Н. В. Гордеева. — Чита : Экспресс-издательство, 2007. — Т. 2. — 237 с.
22. Панин Е. В., Зозуля О. А. Обучение национальных меньшинств в национальных отделениях общих вузов советской России (1920–1930-е годы) // Вестник Московского государственного университета леса — Лесной вестник. — 2015. — Т. 19, № 4. — С. 158–162.
23. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР, издаваемое Народным Комиссариатом Юстиции. — 1924, 9 мая. — № 39. — Отд. 1-й. — С. 487–489.
24. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР, издаваемое Народным Комиссариатом Юстиции. — 1929, 30 июня. — № 42. — Отд. 1-й. — С. 594–596.
25. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР, издаваемое Народным Комиссариатом Юстиции. — 1926, 14 июля. — № 37. — Отд. 1-й. — С. 427–429.

References

1. Alepko A. V., Bondar G. A. On the issue of clubs, theaters and the press of the Chinese diaspora of the Soviet Far East in 1923–1930. *Istoriya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva: materialy VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [History and China: history and prospects for cooperation: materials of the VIII international scientific-practical conference. Blagoveshchensk, Blagoveshchensk State Pedagogical University Publ., 2018, pp. 219–223. (In Russian).
2. Alepko A. V. Formation and development of the system of higher party education of Chinese communists in the Far Eastern Region of the USSR in 1923–1936. *Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva: materialy VIII Mezhdunar. nauch. prakt. konf. (Blagoveshchensk, 21–28 maya 2018 g.)*. [Russia and China: history and prospects for cooperation: Proc. of the VIII International scientific-practical conference. (Blagoveshchensk, May 21–28, 2018)]. Blagoveshchensk, Blagoveshchensk State Pedagogical University, 2018, pp. 211–218. (In Russian).

3. Vashchuk A. S., Chernolutskaia E. N., Koroleva V. A., Dudchenko G. B., Gerasimova L. A. *Etnomigratsionnyye protsessy v Primorye v XX v.* [Ethnomigration Processes in Primorye in the 20th Century]. Vladivostok, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, 2002, 228 p. (In Russian).
4. Imperial chauvinism as the main danger in the national issue. *Zabaikalsky Rabochy*. [Transbaikalian worker]. 1930, August 8, iss. 180, pp. 2. (In Russian).
5. We do not deal with Eastern workers. *Zabaikalsky Rabochy*. [Transbaikalian worker]. 1929, July 7, iss. 151, pp. 2. (In Russian).
6. *Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1926 goda*. [All-Union Population Census of 1926]. Moscow, Center for Statistical Administration of the USSR, 1929, vol. 9, 228 p. (In Russian).
7. *Vsesoyuznaya perepis naseleniya 17 dekabrya 1926 g.: kratkiye svodki*. [All-Union Population Census of December 17, 1926: brief summaries]. Moscow, Center for Statistical Administration of the USSR, 1928, vol. 4, 138 p. (In Russian).
8. *Gosudarstvennyy arkhiv Zabaikalskogo kraya (GAZK)*. F. P 2. Op. 1. D. 117; F. P 2. Op. 1. D. 235; F. P 2. Op. 1. D. 321; F. P 71 Op. 1. D. 371; F. P 71. Op. 1. D. 564; F. P 74. Op. 4. D. 30; F. P 75. Op. 1. D. 796; F. P 75. Op. 1. D. 1023; F. P 75. Op. 2. D. 51; F. R 590. Op. 1. D. 2; F. R 590. Op. 1. D. 15; F. R 1448. Op. 1. D. 10; F. R 1784. Op. 1. D. 44. [State Archives of the Transbaikalian Kray (GAZK). F. P 2. Op. 1. D. 117; F. P 2. Op. 1. D. 235; F. P 2. Op. 1. D. 321; F. P 71 Op. 1. D. 371; F. P 71. Op. 1. D. 564; F. P 74. Op. 4. D. 30; F. P 75. Op. 1. D. 796; F. P 75. Op. 1. D. 1023; F. P 75. Op. 2. D. 51; F. R 590. Op. 1. D. 2; F. R 590. Op. 1. D. 15; F. R 1448. Op. 1. D. 10; F. R 1784. Op. 1. D. 44]. (In Russian).
9. *Gosudarstvennyy arkhiv Irkutskoy oblasti (GAIO)*. F. R 600. Op. 1. D. 377; F. R 610. Op. 1. D. 85. [State Archives of the Irkutsk Region (GAIO)]. F. R 600. Op. 1. D. 377; F. R 610. Op. 1. D. 85]. (In Russian).
10. *Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Buryatiya (GARB)*. F. R 475. Op. 1. D. 878. [State Archives of the Republic of Buryatia (GARB). F. R 475. Op. 1. D. 878]. (In Russian).
11. Zaleskaya O. V. *Kitayskiye migranty na Dalnem Vostoke Rossii (1858–1938): dis. ... d-ra ist. nauk*. [Chinese Migrants in the Russian Far East (1858–1938): dis. ... of Doctor of History]. Blagoveshchensk, 2009, 542 p.
12. Datsyshen V. G. The Union of Chinese Workers in Siberia. *Rossiya i ATR*. [Russia and the Asia-Pacific Region]. 2019, iss. 3, pp. 95–109. (In Russian).
13. Datsyshen V. G. The movement for latinization of Chinese writing and the development of Chinese schools in the Soviet Far East. *Rossiya i ATR*. [Russia and the Asia-Pacific Region]. 2008, iss. 3, pp. 160–169. (In Russian).
14. Datsyshen V. G. *The Chinese Population of Transbaikalia under the Stalinist System in the 1930s*. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. "Istoriya Rossii"*. [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series "History of Russia"]. 2022, vol. 21, iss. 1, pp. 57–71. (In Russian).
15. Report of the Secretary of the Presidium of the Council of Nationalities of the Central Executive Committee of the USSR A. I. Tadzhev to the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) on the creation of an apparatus for working with nationalities under the Presidium of the Central Executive Committee. February 9, 1930. *TSK RKP(b) — VKP(b) i natsionalnyy vopros. Kn. 1: 1918–1933 gg.* [The Central Committee of the RCP(b) All-Union Communist Party (Bolsheviks) and the National Issue. Book 1: 1918–1933]. Moscow, ROSSPEN, 2005, pp. 634–635. (In Russian).
16. Commission for latinization of Chinese writing. On the issue of latinization of Chinese writing. *Zapiski Instituta vostokovedeniya Akademii nauk SSSR. I. Red. izd. akad. S. F. Oldenburg*. [Notes of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences. I. Ed. by Academician S. F. Oldenburg]. Leningrad, USSR Academy of Sciences, 1952, pp. 35–54. (In Russian).
17. Korzhikhina T. P. *Sovetskoye gosudarstvo i yego uchrezhdeniya: noyabr 1917 g. — dekabr 1991 g.: ucheb.* [The Soviet state and its institutions: November 1917 – December 1991: textbook]. Moscow, RSUH, 1994, 418 p. (In Russian).
18. Kulakov V. S., Konstantinov M. V., Rudenko Yu. T., Jurgenson G. A. *Transbaikalia. Entsiklopediya Zabaikalya. Chitinskaya oblast: v 4 t. Glav. red. R. F. Geniatulin*. [Encyclopedia of Transbaikalia. Chita Region: in 4 volumes. Editor-in-chief R. F. Geniatulin]. Novosibirsk, Nauka, 2004, vol. 2: A–Z, pp. 358–359. (In Russian).
19. Lantsova Yu. N. The condition of Eastern workers in Transbaikalia in the 1920s – early 1930s. *Region v prigranichnom prostranstve: Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch 165-letiyu obrazovaniya Zabaikalskoy oblasti, 165-letiyu Zabaikalskogo kazachyego voyska i 95-letiyu ustanovleniya diplomaticheskikh otnosheniy mezhdru Rossiyey i Mongoliyey*. [The region in the border territory: International scientific conference devoted to the 165th anniversary of the formation of the Transbaikalian Region, the 165th anniversary of the Transbaikalian Cossack Host and the 95th anniversary of the establishment of diplomatic relations between Russia and Mongolia]. Chita, Transbaikalian State University Publ., 2016, pp. 92–95. (In Russian).
20. Larin A. G. *Kitayskiye migranty v Rossii. Istoriya i sovremennost*. [Chinese migrants in Russia. History and modernity]. Moscow, Vostochnaya kniga, 2009, 512 p. (In Russian).

21. *Ocherki istorii Vostochnogo Zabaikalya. Chitinskaya oblast. Pod red. N. V. Gordeyeva.* [Essays on the History of Eastern Transbaikalia. Chita Region. Ed. by N. V. Gordeev]. Chita, Express Publishing House, 2007, Vol. 2, 237 p. (In Russian).

22. Panin E. V., Zozulya O. A. Education of National Minorities in National Departments of General Universities of Soviet Russia (1920–1930s). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta lesa — Lesnoy vestnik.* [Bulletin of the Moscow State Forest University — Forest Bulletin]. 2015, vol. 19, iss. 4, pp. 158–162. (In Russian).

23. *Sobraniye uzakoneny i rasporyazheniy Rabocheho i Krestyanskogo pravitelstva RSFSR, izdavayemoye Narodnym Komissariatom Yustitsii.* [Collection of laws and regulations of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR, published by the People's Commissariat of Justice]. 1924, May 9, iss. 39, section 1, pp. 487–489. (In Russian).

24. *Sobraniye uzakoneny i rasporyazheniy Rabocheho i Krestyanskogo pravitelstva RSFSR, izdavayemoye Narodnym Komissariatom Yustitsii.* [Collection of laws and regulations of the Workers' and Peasants Government of the RSFSR, published by the People's Commissariat of Justice]. 1929, June 30, iss. 42, section 1, pp. 594–596. (In Russian).

25. *Sobraniye uzakoneny i rasporyazheniy Rabocheho i Krestyanskogo pravitelstva RSFSR, izdavayemoye Narodnym Komissariatom Yustitsii.* [Collection of laws and regulations of the Workers' and Peasants Government of the RSFSR, published by the People's Commissariat of Justice]. 1926, July 14, iss. 37, section 1, pp. 427–429. (In Russian).

Информация об авторе

Сазонова Василина Александровна — аспирант кафедры истории Забайкальского государственного университета.

Сфера научных интересов: отечественная история, история китайских мигрантов в России в первой половине XX века.

Information about the author

Sazonova Vasilina Aleksandrovna — postgraduate student of the Department of History of the Transbaikalian State University.

Research interests: Russian history, history of Chinese migrants in Russia in the first half of the 20th century.

Статья поступила в редакцию 20.02.2024; принята к публикации 15.01.2025.

The article was submitted 20.02.2024; accepted for publication 15.01.2025.